

«ЖИВОЙ ЯЗЫК РУССКИЙ – СТАТЬЯ САМАЯ ГЛАВНАЯ И ВАЖНАЯ»: ИЗУЧЕНИЕ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ В ТВОРЧЕСТВЕ В.И. ДАЛЯ

Лексикографическое и литературное наследие В.И. Даля рассматривается в контексте его призыва к «соотечественникам» и «землякам» изучать народную жизнь, особенно – «живой язык русский как он живет поныне в народе».

Ключевые слова: В.И. Даль, лексикография, русское слово, живая речь, письменный язык, простонародный язык, «быт телесный» (вещественный), «быт духовный» (нравственный).

Наследие В.И. Даля с «Толковым словарем живого великорусского языка» и сборником «Пословицы, поговорки и присловья русского народа» во главе доказывает, что «русское слово... само по себе было для него предметом и целью...» [1, с. 256]. «Статья» о языке стала «самою главною и важною» («Савелий Граб, или Двойник») для Даля, когда он впервые услышал живую народную речь: она пленила его своей красотой и простотой. С того неувольного мига он и стал воспринимать мир «сквозь призму слова» [12]. «Исключительно обработку языка нашего в народном духе» Даль «имел в виду» еще в «Пятке первом»: «...Не сказки по себе были ему важны, а русское слово... Писатель задал себе задачу познакомить земляков своих сколько-нибудь с народным языком, с говором... чтобы кто-нибудь из благомыслящих людей... прочел их теперь с особенным вниманием на язык, на дух и склад речи и на самые слова» («Автобиографическая записка 1841 г.», «Полтора слова о нынешнем русском языке»). Намек на это есть уже и в заглавии «Пятка», где сказано, что сказки эти «поговорками ходячими разукрашенные», и в словах Казака Луганского, призывавшего «людей добрых», «старых и малых»: «А кто знает грамоте скорописной великороссийской, садись, пиши, записывай, набело семь раз переписывай ...словечка не роняй!» («Сказка первая»). А уже после «Пятка», отдав твердый приоритет изучению и сбережению языка в «Савелии Грабе...», Даль неустанно будет его утверждать и подтверждать: в «Москвитянине» («Полтора слова о нынешнем русском языке», «Недовесок к статье “Полтора слова о нынешнем русском языке”»), в предисловиях к Словарю и Сборнику («Напутное слово», «Напутное»), в «Русском географическом обществе» и «Обществе любителей русской словесности» («О русских пословицах», «О русском словаре», «О наречиях русского языка»), опять в художественных и этнографических произведениях и очерках. Мощный импульс Далевым поискам того, как «выучиться говорить по-русски и не в сказке», придала его встреча с А.С. Пушкиным в 1833 г. под Оренбургом [5]. Поэт, который и сам всегда старался «писать чистым русским языком»,

«ценил народную речь нашу», «с жаром и усладою» к ней прислушивался [6, с. XXI], тепло отзывался о языке и слоге «Пятка первого». Даль укрепился в своем стремлении открывать «землякам» и «соотечественникам» «русское раздолье» и «золото» родного языка [5]. А он делает это многолико: от простого списка-перечня – «читайте и отгадывайте» («Мичман Поцелуев»), от тонкого, нитями-вкраплениями, вплетения «русских слов и выражений» в ткань произведения до ярко-красочного узора-орнамента, живописного полотна – «картинок жизни в миниатюре». При этом «признанными образцами словесности» стали самые разные произведения Даля: их включали в хрестоматии для гимназий, реальных, военных и духовных училищ, сельских и городских народных школ [3, с. 6]. Даль обладал «особенным художественным слухом»: мог «в слышимом говоре услышать его живые особенности, его красоту, подметить, уловить все изгибы и оттенки смысла и таким образом обратить их в достояние науки, словесности, – вообще народного самосознания» [1, с. 257].

Даль-лексикограф тоже пользуется своим искусством-умением открыть родное слово «в его жизненной обстановке, во всей его меткости и уместности» [1, с. 257]: статьи Словаря, рубрики Сборника – те же «картинки» из народной жизни. И они не беднее тех, что даны Далем в «Картинах русского быта»: в их побасенках, анекдотах, притчах, бывальщинах и т.п. Наверное, и поэтому тоже о его произведениях говорят лингвистически: как о «сверхфразовых единствах», имеющих «несомненную связь» со статьями Словаря [13], наоборот – в духе литературоведения рассуждают о Словаре: о его «беллетризации», «эпичности», «нарративных инстанциях», преодолении в нем «лексикографических жанрово-стилистических ограничений», «образе автора» и др. [2; 9].

«Картинки жизни» в статьях Словаря и рубриках Сборника – итог многолетнего собирательско-этнографического и писательско-языковедческого постижения Далем «способа выражения» и «сущности выражаемого» («О русских пословицах»): его размышлений о «семейной связи», «сродстве» слов [6, т. 1, с. XXVII], а главное – о связи языка

и жизни: «словесной речи» и «жизня-бытия» человека. И статьи, и рубрики саморазвертываются в «картинки жизни» и потому, что Даль новаторски объединил в Словаре «речения письменные, беседные, простонародные; общие, местные и областные; обиходные, научные, промысловые и ремесленные», «пословицы, поговорки, присловья, загадки, скороговорки и пр.» с «объяснением и описанием предметов», с толкованием «понятий общих и частных, подчиненных и сродных, равносильных и противоположных» [6, т. 1, с. XXXI], а в Сборнике «приноровил» пословицы, в которых заключена «вся житейская опытность человечества, вся веками нажитая премудрость, передаваемая через десятки поколений, от отца к сыну и внуку» («О русских пословицах») и применение которых «крайне разнообразно», к «быту житейскому», где они изначально и «сложились» [7, с. 15]. В Словаре и Сборнике Даль приблизился к той цели, к которой шел «весь век свой» и достижению которой, подобно Гесиоду, подчинил свои «труды и дни». Приблизился – как только мог человек, принявший на себя эту «вовсе непосильную задачу» из-за «сильного сочувствия к живому русскому языку, как ходит он устно из конца в конец по всей нашей родине», и делавший свое дело без «товарищей» и «помощников». Добросовестность, подвижническая самоотверженность и любовь «словарника» к предмету своего труда – залог непреходящей востребованности и Словаря, и Сборника. Став тогда – 150 лет назад – для многих русских людей настольными книгами, они остаются для них таковыми и в XXI веке. Ведь, «работая не ленясь, насколько от дел насущных оставалось часу», Даль делал все, чтобы раскрыть «землякам» «сокровища нашего родного слова», привести их «в стройный порядок» и помочь «изучить простую и прямую русскую речь... и усвоить ее себе, как все живое усвоет себе добрую пищу и претворяет ее в свою кровь и плоть». Однако, зная, что «всего одному не дано, да и не обнять», он считал дело своей жизни лишь началом пути по разработке того «рудника», который «неисчерпаем» («Полтора слова...»), что его Словарь и Сборник – «передний заднему мост» [6, т. 1, с. XXIII, XXV, XXVI, XXXI]. И именно в «Напутном слове» и «Напутном» Далев призыв к «соотечественникам» *изучать* «живой язык русский как он живет поныне в народе», озвученный им еще в «Полтора слова...», обретает силу завета потомкам.

Эти статьи-предисловия, «статьи-слова, поучения» в духе древнерусских книжников – «вершинные ступени» Далева «постижения народной мудрости» [10, с. 53, 59]. Через все более глубокое вчувствование-вживание в родной язык и родную культуру проходило оно. Интерес молодого Даля к простонародной речи, давший начало «становлению и возрастанию Даля-филолога» [10, с. 53], поро-

дил в его сознании множество вопросов. А среди них – тот, который на заре 1840-х годов Даль задавал, скорее, уже не себе, а «соотечественникам»: «отчего у нас почти без изъятия, не ученые, не словесники, говорят гораздо лучше, чем пишут» («Полтора слова...»)? Или чуть иначе, «замысловатее», и с намеком на «самоистину» [6, т. 1, с. XXII]: «...Для чего люди не пишут запросто, как говорят, а выбиваются из сил, чтобы исказить и язык и смысл? почему и за что проклятие безграмотства доселе еще тяготеет на девяти десятых письменных, и как это объяснить, что люди, которые говорят чистым русским языком и рассуждают довольно здраво, как будто перерождаются принимаясь за перо, пишут бестолочь и бессмыслицу, не умеют связать на бумаге трех слов и двух мыслей и ни за какие блага в мире не могут написать самую простую вещь так, как готовы во всякое время пересказать ее на словах? Почему это общий наш недостаток... и исключения из этого общего правила так редки? («Бедовик»)). Именно «искажение языка и смысла» – переложение родной речи на все европейские лады, обращение с ней «как медведь в лесу дуги гнет» («Полтора слова...») – Даль считал первоочередной проблемой и главным недостатком, ждущим скорейшего исправления. Необходимость изучения и сбережения родного слова для Даля определялась статусом «словесной речи» как «дара небесного», «мерила нашего умственного» («Недовесок...»): «без слов нет сознательной мысли», а тот, кто обильно питает родной язык «чужими соками», «тянется за чужим», привыкает думать «нерусскою думою», все больше отрывается от родных корней, утрачивает «последние нравственные силы свои», наконец – у него не остается «ничего своего, ни даже своей самостоятельной речи, своего родного слова» [6, т. 1, с. XXII, XXIII]. На язык, точнее, язык простолюдинов, как основу «нравственного» («духовного») быта народа, который важнее быта «телесного» («вещественного»), указывает и Далев перечень «замечательных особенностей, коими целые народы отличаются один от другого» («О русских пословицах»). Уточнение о языке простолюдинов Даль делает потому, что «русские выражения и русский склад языка остались только в народе», а «в образованном и просвещенном обществе» не только нет пословиц и поговорок [7, с. 9], но и весь «язык наш измолослся уже до пошлой и бесцветной речи, которую можно перекладывать, от слова до слова, на любой европейский язык» («Полтора слова...»): он стал языком-«кажеником» [6, т. 1, с. XXII].

Наблюдения над языком простолюдинов, а главное – тесное с ними общение, указали Даля на несходство между народной и дворянской культурами. Размышлять об этом он начинает еще в «Романе в письмах», и формулы «народного способа жизни» (Белинский) у него можно найти разные,

однако они, наверное, сводятся к одному: «Мы живем по рассудку, народ по обычаям и поверьям» [5, т. 3, с. 151]. Предположив однажды, что «глас народа – необманчив, в нем должна быть правда...» («Лиса»), Даль все больше убеждается, что характерная для простолюдинов жизнь «на опыте, на заветах отцов» («Хмель, сон и явь») – это и залог сохранения национальной самобытности: «простой народ гораздо долее сохраняет исконный быт свой» («О русских пословицах»). А потому в простонародье же живы и другие составляющие исконного «нравственного быта»: 1) обычаи, обряды, игрища, игры, празднества; 2) поверья, суеверья, приметы; 3) мнимое волшебство, ворожба, знахарство и колдовство, заклания, чары и заговоры; 4) народное врачевание, зелья, ладанки, привески; 5) предания, были, былины, песни, думы, стихи, причитания; 6) сказки, притчи, байки, побасенки, присказки, прибаутки; 7) пословицы, поговорки, присловья, или прозвища, загадки, скороговорки («О русских пословицах»). Так необходимость изучения и сбережения языка связывается Далем с изучением остального духовного быта. Именно к его составляющим – от обычаев до языка – обращены мысли Даля-писателя и его персонажей (Иваси-Василька, Андрея Горностая, Евсея Лирова и др.). Они не просто раздумывают, а проводят «добросовестное разбирательство» над тем, «сколько в каком поверье и суеверье есть или было некогда смысла, на чем оно основано» («О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа», «Савелий Граб...»), любому ли обычаю можно дать силу «житейского закона», нет ли среди них «бестолковых», «тунеядных» («Бедовик»), «вздорных», «уродливых», «мошеннических» («О поверьях, суевериях...»), «что такое народные или простонародные врачебные средства? Чем они отличаются от снадобьев, принятых врачебною наукою? Заслуживают ли они нашего внимания и приносят ли действительную пользу или только мнимую?» («О народных врачебных средствах»), каков народный опыт взаимодействия с животным миром («Зверинец»). И все Даль проверяет – выводит «на справку и поверку» [6, т. 1, с. XXIII] – собственным ли опытом этнографа, охотника, натуралиста, врача и, конечно, филолога, здравым ли смыслом бывалого человека, другим ли авторитетным мнением. Что-то он отвергает («Предостережение от домашних лекарей и лекарок в простонародье»), но многое и принимает, признавая полезным.

Так же критически Даль подходит и к «языку простонародному» – «живому языку русскому» («Полтора слова...»). Он выступает за то, чтобы разговоры обогащали национальный языковой фонд, вносили в него новые краски и тона, но не подменяли и не отменяли общепринятые, устоявшиеся, веками проверенные и понятные каждому русскому слова, выражения, грамматические формы и т.п.

А потому, различая «народное и простонародное» и ища между ними «середину», Даль, наряду с «превосходными, незаменимыми выражениями, которые должны быть приняты в письменный язык наш», видит и немало таких, «которые могли бы испортить язык наш» («Недовесок...»). К особенностям говоров, которые «мы... перенимать не станем», он относит «самое произношение, говор черни» и узкоместные соответствия общерусским лексемам, среди которых – вятские и пермские номинации глаз, цыпят *талы*, *сильки*, новгородское название грибов *блицы*, суздальские глаголы *про-чашить* (пролить), *сдобляться* (собираться), грамматические формы *зятевья*, *братевья*, *братевьев*, которые «во Пскове и в Костроме... услышите», а «в Астрахани услышите: *восейка*, *шерига*, *шабры* или *шабреньки* – *бедняга*, *севрюга*, *соседи*; в Оренбурге *шарабара*, *ишак*, *тулаем*, *конфетчик* – *пожитки*, *осел*, *гуртом* или *оптом*, и *лавочник*...» («Недовесок...»). Отголосок этих рассуждений Даля слышен в «Сказке о бедном Кузе Бесталанной Голове и переметчике Будунтае», когда Будунтай «осерчал, стал браниться по-своему, по-вятски». А среди его «ругательств» – нейтральные вятские слова – номинации деревенских реалий: те же *талы* и *сильки*, еще – *шоры* (индейки), *рамух* (тряпица), *вица* (хворостина). Строго говоря, не являются бранными и лексемы *блябла* (оплеуха), *комуха* (лихорадка), *уроса* (упрямица). Но Даль превращает их в «страшные ругательства», отталкиваясь от их непонятности за пределами Вятской губернии. Он-то знает, что и в быту люди бранятся, часто не поняв речи собеседника, к тому же и брань, и непонятная речь так похожи на лай: в чужих краях, говорят Далева персонажи, «так вот вокруг тебя невесть по-каковски и лают» («Хмель, сон и явь»). И как в брани Даль видит «раздор, несогласие, разлад» [6, т. 1, с. 123] человеческих отношений, так и в языке он против того, что нарушает его гармонию.

По Далю, в языке хорошо только то, что отвечает его «духу». Вдумчивое изучение народного быта, «духовного» и «телесного», «сроднит нас с духом языка, даст вникнуть в причудливые, прихотливые свойства его и даст средства образовать мало-помалу язык, сообразный с современными потребностями». Для этого важно иметь чуткое «русское ухо» и живое «русское чувство»: «мы услышим чутким ухом всякую разладицу с духом звучного родного языка и устраним ее, как порчу; мы... станем поживляться всем, в чем найдем созвучие, что идет под стать и масть, что может обогатить язык словом или оборотом – или заменить несвойственный языку оборот или слово...» («Недовесок...»). После памятной встречи с Пушкиным Даль настойчиво воспитывает эти качества в себе. Их же он стремится пробудить своим творчеством у русских европейцев «с бритой бородой, во фраке или в вицмундире», напоминая им, что «было, было

время на Руси, что ходил молодец в кафтане, ходила девка в сарафане».

В 1840–1860-е годы собирательская и писательско-языковедческая работа Даля по изучению простонародного быта и языка немало связана с проектами «Русского географического общества». Учрежденное в 1845 г., оно занялось «собираaniem и распространением в России... сведений о России» (Временный устав РГО), изучением «родной земли и людей ее обитающих» (Семенов-Тянь-Шанский), формируя строгие научные методы русского земле-и народоведения. Даль сотрудничал в РГО как член-учредитель около 27 лет. Однако еще до образования общества он уже имел свою программу-минимум для желающих проехаться по России. Ею можно считать план, который набросал себе в поездку Ивася: 1) «сбирать по пути все названия местных урочищ, расспрашивать о памятниках, преданиях и поверьях, с ними соединенных, — с тем, чтобы применить это впоследствии к бытописанию России, которое необходимо должно во многих случаях поясняться этими памятниками старины»; 2) «разузнавать и собирать, где только можно, народные обычаи, поверья, суеверья, песни, сказки, пословицы, поговорки и все, что принадлежит к этому разряду, и все это тщательно записывать»; 3) вносить в памятную книжку свою все народные слова, выражения, речения, обороты языка и наречий его, общие и местные, но не употребительные доселе в так называемом образованном нашем языке и слоге» («Савелий Граб...»). «По обычному... любопытству ко всему местному, расспрашивал встречных крестьян обо всех кровельках, садах, журавлях (колодцах) и колокольнях...» и Андрей Горностаи: он, «как ребенок, до того погрузился в старину нашу, что грезил Бог весть какими сказками» («Небывалое в былом...»). Любопытным путешественникам Даль дает и краткую методику того, как «выведать из нашего крестьянина то, что нужно...». Поскольку «прямыми расспросами» у крестьян «никогда и ни до чего не добьешься», действовать стоит «окольным путем»: браться с крестьянами, наводить их «то на то, то на другое», заставлять их «баять, гуторить и балагурить», прислушиваться к народным слухам и толкам, к народному разговору-беседе, присматриваться к людям, которым есть что порассказать. «Людей такого покрою» можно отыскать по самым разным приметам: Ивася, увидев «в одном селе презатейливого петушка на щипце и прехитрой резбы кровельные полотенца, допросившись мужика-плотника, который их работал... нашел для себя в этом человеке клад и пробыл у него несколько дней». Даль и сам не раз так поступал. Многие его произведения основаны на сюжетах историй, услышанных им «в простой беседе» от крестьян и мастеровых, матросов и солдат, с которыми он — мичман и военный лекарь, губернский чиновник и уп-

равляющий — общался. Далю, писал Гоголь, «стоит... взять любой случай, случившийся в русской земле, первое дело, которого производству он был свидетелем или очевидцем, чтобы вышла сама собой наизаманательнейшая повесть» [4, с. 394].

Изучая простонародную жизнь, общаясь с простолюдными, Даль «как бы вторично сделался русским, проникнулся весь сущностью своего народа, его языком, его бытом» [11, с. 100]. В период 1849–1859 гг. он «окончательно отождествляет себя лично и свою судьбу с народным мировосприятием» [13, с. 165]. И рассказывает читателям — и единомышленникам, жаждущим «учиться по-русски», и тем «супротивникам», которые «оторвались от корня», в ком на беду поселилось небрежение ко всему родному, — о разнообразных обычаях в простонародье, продвигая их «ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни...» [4, с. 394]. В этом ему помогает «не столько личный своеобразный талант, сколько сочувствие к народу, родственное к нему расположение» и любовь: «Даль любит русского человека...» [11, с. 100, 101]. (На «глубокое сочувствие к народу», характерное для Даля, укажет и И. Аксаков [1, с. 257].)

Всем творчеством Даль и убеждал читателей в том, что «под кем нет своей родной почвы, тот остается на век шатким и ничтожным» («Момыри»), и показывал, что «нельзя никакой силой уничтожить, снести с лица земли все то, что целые тысячелетия было родным и народным» («Полтора слова...»), а «народ в обширном смысле заключает в себе все сословия» («О русских пословицах»), находя следы традиционной русскости в разных слоях общества («Солдатские досуги», «Картины из русского быта» и др.). А все для того, чтобы органично — «согласно, созвучно» — соединить «родимое» и «привитое» не только в языке, но и в жизни, и в культуре. При этом язык — «русское слово, освященное христианской традицией» [8, с. 176], — виделся Далю самой главной духовной скрепой русского мира, залогом обретения им вновь духовно-культурного единства, почти утраченного в подражаниях «просвещенной» Европе.

Библиографический список

1. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. — М., 1981. — 384 с.
2. Байрамукова А.И. Метапозитика и металингвистика «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля как толково-энциклопедического феномена: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ставрополь, 2008. — 22 с.
3. Владимир Иванович Даль: Жизнь и творчество: биобиблиогр. указ. — М., 2004. — 136 с.
4. Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. — Т. 7. — М., 1986. — 432 с.
5. Даль В.И. Воспоминания о Пушкине // Семейное чтение. — [Электронный ресурс]. — Режим

доступа: http://blagovmm.ru/zdravnica/25/semeynoe_chtenie.pdf (дата обращения: 19.06.13).

5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 2002.

7. *Даль В.И.* Пословицы, поговорки и присловья русского народа. – М., 2008. – 896 с.

8. *Ермолаева Н.Л.* Эпическое мышление И.А. Гончарова. – Иваново, 2011. – 324 с.

9. *Путилина С.В.* В.И. Даль как литератор: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 27 с.

10. *Тамаев П.М.* Статьи В.И. Даля в контексте раздумий о народной словесности // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Филология. – 2001. – Вып. 1. – С. 53–61.

11. *Тургенев И.С.* Собр. соч.: в 12 т. – Т. 11. – М., 1956. – 572 с.

12. *Фархутдинова Ф.Ф.* Взглянуть на мир сквозь призму слова... Опыт лингвокультурологического анализа русскости. – Иваново, 2000. – 204 с.

13. *Фесенко Ю.П.* Проза В.И. Даля. Творческая эволюция. – Луганск; СПб., 1999. – 262 с.

УДК 801

Сафонова Мария Александровна

кандидат филологических наук

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

maria-ukrainets@yandex.ru

Сафонов Александр Андреевич

кандидат исторических наук

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (г. Москва)

safonov@hse.ru

СКОРОСТЬ ТЕКСТА КАК ОСНОВНОЕ ПОНЯТИЕ ТЕОРИИ БЫСТРОГО ТЕКСТА (TEXT VELOCITY THEORY)

Статья посвящена новому направлению в лингвистических исследованиях, предлагающему оригинальный комплексный подход к изучению перцептивных механизмов восприятия текста и проблеме функциональных стилей. Авторы вводят понятие «скорости текста» – условной величины, которая отражает стилистические, прагматические, дискурсивные и иные качества текста.

Ключевые слова: прикладное языкознание, лингвостилистика, функциональный стиль, количественный анализ, скорость текста, хронометрия.

В истории науки о языке не раз ставился вопрос о привлечении математических, в частности количественных, методов в обработке языковой информации. Множество терминов, прочно вошедших в научный обиход лингвистики, были позаимствованы из точных и естественных наук. Такие термины, как вариант, инвариант, дифференциация, топология, активно используются в современной лингвистике. Логический позитивизм членов Венского кружка, Копенгагенская школа Луи Ельмслева, трансформационный метод Наома Хомского [1, с. 592–603] и другие научно-философские направления утвердили использование математики в лингвистическом структурализме XX века [1, с. 521–533].

Ученые Массачусетского технологического института, университетов Гарварда, Стэнфорда, Йеля и других научных центров США заложили основы прикладной лингвистики. По нашему мнению, в качестве метода анализа текстовой информации возможно использовать хронометрирование для определения некоторых стилистических характеристик текста в связи с высказываемой в данной статье гипотезе о «скорости текста». Данное понятие рассматривается в качестве основополагающего для направления в лингвистике, для которого предлагается название «теория быстрого текста» (ТБТ; «text velocity theory»).

По нашему убеждению, у каждого текста можно определить внутренние (лингвостилистические), внешние (социокультурные) и целевые (телеологические) свойства [5, с. 43–44]. Цель создания текста предполагает его предназначение (адресацию) определенной группе читателей или слушателей с необходимостью их информирования, убеждения или побуждения. Внутренние свойства – это лингвистические особенности используемых языковых единиц и конструкций для достижения поставленной цели. Внешние свойства выражаются в реализации текста в конкретных социокультурных условиях (о внешних и внутренних свойствах текста мы говорим по аналогии с терминами «внутренняя» и «внешняя» лингвистика Ф. де Соссюра). Цель текста можно считать достигнутой, если его внутренние свойства в максимальной степени соответствуют свойствам внешним [3, с. 41–47].

Различные целевые свойства текстов можно классифицировать на три функциональных типа:

- информационный (нейтральный член трихотомии, сюда относится обиходно-бытовой стиль);
- побуждающий (публицистический и дидактический стили);
- убеждающий (научный, нормативный).

Мы полагаем, что художественный и официально-деловой стили обладают таким внутренним разнообразием, что отнести их к какому-либо из этих